

УДК 276+82-6

Архимандрит Зосима (Шевчук С. В.)
кандидат педагогических наук

Archimandrite Zosima (Shevchuk S. V.)
candidate of pedagogical sciences

**ПЕРЕПИСКА СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА
С МИРЯНАМИ: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ**

**CORRESPONDENCE OF SAINT THEOPHAN THE RECLUSE
WITH THE LAITY: MODERN READING**

Аннотация. В статье анализируется эпистолярное наследие святителя Феофана и делается вывод, что его письма к мирянам сегодня не менее актуальны для нас, чем звучали для его современников, потому что обращены к тем онтологическим основаниям человеческой личности, которые неподвластны месту и времени.

Abstract. The article analyzes the epistolary legacy of Saint Theophan and concludes that his letters to the laity are no less relevant to us today than they were to his contemporaries, because they address those ontological foundations of the human personality that are beyond the control of time and place.

Ключевые слова: святитель Феофан Затворник, письма, аскетика.

Key words: Saint Theophan the recluse, letters, asceticism.

Переписка с мирянами была, наверное, одним из важнейших направлений духовной деятельности святителя Феофана в период его затвора в Вышенской пустыни. Удалившись в Вы-

шенскую пустынь под Тамбовом, святитель Феофан больше 20 лет ежедневно проводил службы в домовой церкви, занимался книжными переводами и вел обширную переписку, отвечая на несколько десятков писем в день. Те вопросы, на которые он отвечал, в том числе связанные с духовной жизнью, общественной нравственностью, массовым интересом к оккультизму и нехристианской религиозности — актуальны и сегодня.

Неслучайно, объясняя в мае 2011 года причину обращения именно к творчеству святителя Феофана, заместитель председателя Издательского Совета игумен Евфимий (Моисеев) отметил: «Как писатель святитель Феофан универсален: его творчество охватывает огромное количество жанров и видов церковной письменности: это и догматические, и аскетические, и экзегетические, и духовно-нравственные, и гомилетические сочинения, не говоря уже о переводах и богатейшем эпистолярном наследии. Когда был составлен план издания, мы были поражены: этот план на настоящий момент насчитывает порядка 40 томов — их окончательное число еще будет уточняться. По объему своего наследия святитель Феофан занимает второе место в русской литературе после Льва Толстого, а среди русских духовных писателей по масштабам своего духовного и богословского творчества он занимает первое место» [5].

Святитель Феофан был вполне успешен как администратор, исполнял ответственные высокие церковные послушания в качестве ректора столичной духовной академии, управляющего епархией. Но, получив возможность выбирать, предпочел этому уединенную молитву, научную и литературную деятельность. Он не «спрятался» от людей, а наоборот нашел способ, которым может быть максимально полезен максимальному большому числу тех, кому его помощь необходима — через то, что он писал. И индивидуальная его переписка по церковным вопросам очень обширна.

Удаление святителя в затвор означало, что он свободен от любых административных обязанностей, может полностью

посвятить себя молитве, духовной помощи тем, кто ему пишет, научной и литературной деятельности. И это давало ему большую внутреннюю свободу и широту, на что обратил в свое время внимание протоиерей Георгий Флоровский, написав о нем в «Путиях русского богословия»: «В мировоззрении Феофана есть какая-то вселенская смелость, большая духовная свобода и гибкость, свобода от быта» [10, с. 396]. И вот эта широта позволяла святителю, отвечая на частный вопрос частного лица, поднимать понимание вопроса на такой уровень, что оно интересно не только тому, кому он отвечал, и даже не только современникам, но и огромному числу людей полтора века спустя.

Например, в одном только частном письме неизвестному лицу, публикация которого была осуществлена диаконом Георгием Малковым в «Вестнике Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета» в 2007 году, святитель касается целого комплекса аскетических проблем, в числе которых молитва, духовное чтение, уныние, греховные помыслы, вечная жизнь.

Сегодня, когда мы читаем письма святителя, нужно учитывать то, что, как отмечал диакон Георгий Малков, «Святитель Феофан, не предполагая в дальнейшем, по кончине его, публикации этих писем, отнюдь не стремился к особой стилистической отточенности их — но и здесь, как и всегда, его добротный среднерусский язык отличается подкупающей трезвой простотой и особой теплотой интонации» [1, 127].

То есть святитель никогда не считался со временем и силами, вступая в пространную переписку с частными лицами, отвечая в ней на волнующие их духовные вопросы. Но к каждому человеку он обращался так, как будто именно он самый важный человек в его жизни; иногда, возможно, пренебрегая стилистическими красотами, не всегда уместными в частной переписке, он по сути вопроса всегда стремился ответить максимально полно, глубоко и точно.

В своем письме к протоиерею Николаю Ф. в 1875 году святи-

тель написал и сам ответил: «Писать — это служба Церкви или нет?! Если служба — подручная, а между тем Церкви нужная, то на что же искать или желать другой?» [4] Надежды святителя оправдались, и даже после его кончины слово его назидания не прекратилось. Он наставлял тех, кто готов был его услышать и находил такие слова, чтобы они могли его понять.

«При этом любые советы и поучения святителя всегда были лишены какого-либо ригоризма или подчеркнутого (совершенно чуждого ему) духа архипастырского «наставничества», «вещания», тем более... подавления личностной христианской свободы. Вообще владыка Феофан никогда не считал себя учителем-„старцем“, но другом-советчиком своих пасомых» [1, 128].

Его эпистолярное наследие масштабно. В нем рассматриваются целые разделы православной аскетики, в том числе о труде и самопринуждении, о слезах, о предании себя в волю Божию, о молитве, размышлении и чтении, о парении ума, о преданности воле Божией, о приготовлении к покаянию, о посте, о монашестве, о скорби, о трезвении, о вреде уклоняться от порядка в жизни духовной и многие другие [7].

Очень современно звучат слова святителя о том, что жизнь в Боге не может быть однообразна для того, кто на самом деле в Нем живет; это прекрасный и глубокий ответ и многим современным «совопросникам века сего»: «Мир свое переносит и на Божие. В вещах тварных однообразие точно надокучивает, потому что оне конечны. стакан воды сладкой, хоть понемногу пей, все же выпьешь; так всякое удовольствие мирское. Сердце выпьет из него все сладкое, и конец... далее не питательно и — скука. В отношении к Богу совсем не то. Он есть благо бесконечное, достаточное для всех и на все века. В будущей жизни все приготовившие себя будут вкушать сие единое благо; и сами будут довольны и его не исчерпают; а все более и более будут жаждать, и расширяться в жаждании и во вкушении. Спросите, от чего это О. Серафиму, О. Парфению не наскучила такая однообразная, и даже однообразнейшая жизнь? Цер-

ковь да келлия, церковь да келлия... а то еще и затвор... Господи помилуй! Как можно убивать себя? А они и не думали мучить себя... а напротив, блаженствовали. Бывали у святых Божиих часы, дни охлаждения, как они их называют; но причина тому совсем не однообразию; а одна у Господа, другая в нас» [7].

Святитель так учил собранности и духовному трезвению: «Делайте так: с утра поглубже утвердитесь в помышлении о Господе, станьте пред Ним умом, во время молитвы; и потом весь день напрягайтесь не отступать от Него, взявши в пособие сладчайшее имя Его. Делаете ли что, говорите с кем, идете, сидите, кушаете, — ум все с Господом да будет. Забудетесь, и опять воротитесь ко Господу, и себя побраните с сокрушением... и все так... в этом подвиг внимания. Тогда, при свете Господа, ни один помысл не укроется, и оценка им будет верная, разлетятся все благовидности. А между тем душа будет все крепче и крепче прилепляться к невидимому, и становиться сильнее» [7].

В своих письмах он указывал на необходимость контроля за умом, который, освободившись от мирских попечений, может завести его обладателя в опасную сферу темной духовности: «Ум наш по природе жив. Суета отяжеляет его. Когда малопомалу спадет с него это ярмо, он начинает парить всюду, обходит и небо, и землю, все видит, все понимает, и легко ему. Ничего тут нет худого; но и проку мало. Эту птичку — ум надобно засадить в клетку и сказать ему: вот тут-то сядь, и пой вот что, а летать туда и сюда не смей: ястреб поймает» [7].

Святитель Феофан стремился современных ему мирян, которые были подвержены многим соблазнам века сего, искавшим и того «облегченного» Православия, поднять до монашеского уровня понимания православной аскетики: «Монахи-то ведь христиане, и вступающие в монашество не о другом чем заботятся и поднимают труды, как о том, чтобы быть истинными христианами. И миряне тоже христиане и должны ревновать о том, чтобы быть истинными христианами. Стало быть, монахи с мирянами сходятся в главном деле. Как же теперь наставле-

ния монахам могут не идти к мирянам? Есть часть у монахов, не идущая к мирянам, но она касается только внешнего порядка жизни и отношений, а не внутренних расположений и духа. Последние должны быть одинаковы у всех, ибо «един Господь, едина вера, едино крещение» (Еф. 4:5). И вот почему добрые миряне, ревнующие о спасении души, читать — не начитаются аскетических отеческих писаний Макария Великаго, Исаака Сирианина, Лествичника, св. Дорофея, Ефрема Сирианина, Добротолюбия, и проч. А о тех, кои чуждаются наставлений, что в статейках, сами видите, что надо сказать: „Духа Христова не имеют“. Жестоко слово сие, да что делать-то!» [7]

Весь дар духовного рассуждения, молитвенный и житейский опыт, весь литературный талант вкладывал святитель Феофан в ответы на эти письма. И потому они «были великой отрадой и духовным утешением для многих душ в тяжелые, скорбные минуты» [3, с. 52].

«Для святителя цель его переписки состояла не в общении с внешним миром, от которого он совершенно отрекся, а в духовном окормлении душ тех людей, которые письменно обращались к нему. «Лучшее употребление дара писать, — считал епископ Феофан, — есть обращение его на вразумление и пробуждение грешников от усыпления». И нередко на протяжении многих лет в письмах святитель руководил духовной жизнью собеседника, иногда таким образом окормляя целые семейства. Как пастырь, имеющий заботу о развитии духа человека, святитель Феофан имел одну заботу — помочь человеку на его тернистом пути к Богу. Поэтому основная тональность писем Вышенского Затворника — духовно-нравственная назидательность. Как проповедник, он ведет за собой собеседника «горé», учит его видеть в калейдоскопе повседневности Промысл Божий, освещать путь светом Евангелия. Предмет писем святителя, каких бы вопросов ни приходилось касаться, о «едином на потребу» (Лк. 10:42) и самый серьезный — спасение души для жизни вечной. О духовном же он не мог не говорить слогом, сообразным предмету, — высоким, с преобладанием библейских и церковнославянизмов» [6].

В своей литературной деятельности — как общественной, так и частной — святитель видел свое призвание и то служение, в котором он максимально может быть полезен Церкви и народу Божию. Он писал: «Сколько раз приходилось жалеть, что не умею так писать, чтобы всех затрагивать. Когда бы умел, составил бы такую книгу, чтобы всякий читающий решился содевать спасение» [8, с. 10]. И, как отмечает один из современных исследователей, «Мы видим из этой цитаты, что святитель ставил перед собой литературно-поэтическую задачу „затрагивать“ читателя, то есть так выразить свой внутренний опыт, чтобы он нашел отклик в сердце читателя, чтобы слово его было живым и действенным» [2, с. 10]. Приведу еще мнения современных нам исследователей: «О самых высоких понятиях, о самых сложных вопросах духовной жизни он стремился говорить максимально просто, чтобы его мог понять любой человек, независимо от уровня образованности» [9, с. 111]. «Язык и тон писем святителя свободны от традиционной риторики, он общается в письме с живым человеком и обращается к нему своей живой человеческой стороной. Он учит не с высокой кафедры, а как друг-собеседник. Такая эпистолярная беседа становится возможной в русской духовной культуре только во второй половине XIX века, когда процессы индивидуализации языка и самовыражения достигают уже и консервативной церковной области культуры» [2, с. 13].

Аскетические наставления святителя Феофана в его письмах к мирянам звучат сегодня не менее актуально, чем звучали для его современников, потому что обращены к тем онтологическим основаниям человеческой личности, которые неподвластны месту и времени, потому что связаны с жизнью человека во Христе, Который «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. «Бога имя пред очами...» Неизвестное письмо святителя Феофана Затворника. Подготовка текста к публикации,

вступление и комментарии диакона Георгия Малкова // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. Выпуск 2(18). 2007.

2. *Воронин Т. Л.* Художественные особенности эпистолярного наследия святителя Феофана Затворника // Вестник ПСТГУ. III. Филология. Вып. 2(8).

3. *Георгий (Тертышников), архим.* Симфония по творениям святителя Феофана Затворника Вышенского. В 2-х книгах, кн. 1. Рязань, 2003.

4. Год со святителем Феофаном Затворником. 28 июня. Из писем о духовной жизни. URL: <https://pravoslavie.ru/35825.html> (дата обращения 10.10.2020).

5. Издание творений святителя Феофана Затворника — это начало большой работы по изданию наследия отцов Русской Церкви. URL: <http://www.orthedu.ru/news/3140-izdanie-tvorenij-svyatitelya-feofana-zatvornika-yeto-nachalo-bolshoj-raboty-po-izdaniyu-naslediya-otcov-russkoj-cerkvi.html> (дата обращения 7.10.2020).

6. *Плешакова В. В.* Съмѣрение в слове (об особенностях эпистолярного стиля святителя Феофана, Затворника Вышенского). URL: <https://svt-feofan.livejournal.com/51671.html> (дата обращения 7.10.2020).

7. Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения. Собрание писем. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/pisma-o-hristianskoj-zhizni-rouchenija-sobranie-pisem/#0_1 (дата обращения 10.10.2020 года).

8. *Смирнов П. А.* Жизнь и учение святителя Феофана Затворника. М., 2002.

9. *Титкова Н. Е.* Стилевое разнообразие эпистолярного наследия святителя Игнатия Брянчанинова и епископа Феофана Затворника // Приволжский научный вестник. 2013. № 8(24), том 2.

10. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1939.